

Флеминг Ян

Свет жизни

Джеймс Бонд лежал на пятисотярдовой огневой точке знаменитого Центрального стрельбища в Бисли. Белый колышек в траве возле него показывал отметку 4,4 и тот же номер был обозначен на высоком навесе под одинокой мишенью размером в шесть квадратных футов, что для человеческого глаза и в поздних летних сумерках казалось не больше почтовой марки. Но инфракрасный снайперскоп, установленный на винтовке Бонда, давал возможность видеть всю мишень целиком. Он мог даже ясно различить бледно-голубой и бежевый цвет, в который было выкрашено шестидюймовое "облачко". Оно выглядело таким же большим, как и половинка луны, уже начавшая показываться в темнеющем небе над Чобхемским хребтом.

Последний выстрел Джеймса Бонда лег внутри мишени слева не очень удачно. Он еще раз посмотрел на желто-голубые флажки для определения силы ветра. Он дул с востока сейчас сильнее, чем когда он начал стрельбу полчаса назад. Он сдвинул рамку на два деления вправо для поправки на ветер и перевел скрещение снайперскопа обратно на цель. Затем он устроился поудобнее, просунул осторожно указательный палец в дужку предохранителя и, поставив его на изгиб курка, затаил дыхание и очень, очень мягко нажал. Резкий хлопок выстрела взбудоражил тишину безлюдного стрельбища. Цель скрылась вниз и сразу же на том же месте выскочила обратно. Да, черное пятно было внизу с правой стороны на этот раз, а не внизу слева: какая-то нелепость.

- Хорошо, - произнес голос командира стрельбища. - Держи так.

Мишень опять была поднята вверх. Бонд приложил щеку к сохранившему его тепло плотному деревянному ложу и приставил глаз к резиновому кружочку своего "скопа". Он вытер о брюки руку, которой стрелял, и хватил пистолетную ручку, торчавшую снизу под курковым предохранителем. Он сдвинул ноги еще на один дюйм в бок. Теперь должно быть пять выстрелов на скорость. Интересно, будет ли разброс? Он решил, что нет. Это необыкновенное оружие, которое каким-то образом попало от оружейника к нему, создавало впечатление, что человек, стоящий на расстоянии мили, будет без труда поражен. Ружье 308 калибра было модернизированным вариантом "Винчестера", созданного в качестве прицельного оружия "международного класса" для того, чтобы помочь американским стрелкам на Всемирном чемпионате. У него были обычные ружейные приспособления для сверхточного поражения цели - изогнутая алюминиевая ручка сзади приклада, которая заходила под мышку и держала ложе твердо прижатым к плечу, а также регулировочные винты под центром тяжести, для приведения деревянного приклада в устойчивое привычное положение.

Оружейный мастер сконструировал так, что можно было пользоваться затвором для одиночных выстрелов, а можно было заменить его на пятизарядный магазин. Он заверил Бонда, что если тот будет делать двухсекундный промежуток между выстрелами, то разброса не будет даже на расстоянии пятисот ярдов. Для той работы, которая предстояла Бонду, две секунды могли, по его мнению, быть опасной потерей времени, если он промахнется в первый раз. Во всяком случае М. сказал, что расстояние не должно быть больше трехсот ярдов. Бонд сократит промежутки до одной секунды - будет почти непрерывный огонь.

- Готов?

- Да.

- Я начну считать с пяти. Начинаю! Пять, четыре, три, два, один. Огонь!

Земля немного вздрогнула и в воздухе раздался свист, когда пять медно-никелевых кусочков были выплунуты винтовкой в сумрак. Мишень опустилась и вновь быстро появилась с четырьмя маленькими белыми кружочками, сгруппированными в самом яблочке. Пятого кружочка не было - не было даже черного, попал ли он в цель или в молоко?

- Последний выстрел был неудачным, - сказал командующий стрельбищем, опуская свой прибор для ночного видения. - Спасибо за ваш взнос в нашу копилку. Мы просеиваем песок на стрельбищном валу в конце каждого года. И никогда меньше пятнадцати тонн хорошего свинца и меди у нас не было. Хорошие деньги.

Бонд поднялся на ноги. Капрал Мензис из оружейного отдела появился из павильона "Клуб стрелков". Он нагнулся, чтобы разобрать "Винчестер" и принадлежности. Он посмотрел снизу на Бонда и сказал с ноткой осуждения:

- Вы немного спешили, сэр. Последний выстрел и должен был пойти впустую.

- Я знаю, капрал. Я хотел посмотреть, как быстро можно из него стрелять. Я не виню оружие. Это, черт возьми, замечательная работа. Скажите это оружейнику от моего имени. Ну, а теперь я лучше отправлюсь. Вы сами доберетесь до Лондона, не так ли?

- Да. Всего доброго, сэр.

Командир стрельбища вручил Бонду памятку о его выстрелах. Два раунда прицельного без "скопа", затем десять через сто ярдов каждый раз, вплоть до пятисот.

- Отличная стрельба при этой видимости. Вам следует прийти сюда на следующий год и сделать попытку в состязаниях на Королевский приз. Сейчас он открыт для всех желающих из Британского Содружества.

- Благодарю. Дело в том, что я не часто нахожусь в Англии. И спасибо за приглашение. - Бонд взглянул на дальнюю часовую башню. По обе стороны ее красные флаги, говорящие, что идут стрельбы, и красные сигнальные барабаны спускались вниз. Стрельбы окончились. Стрелки стояли на 9:15.

- Я бы хотел предложить вам выпить, но у меня назначена встреча в Лондоне. Можем мы подождать до состязаний на Королевский приз, о котором вы говорили?

Командир кивнул несколько уклончиво. Он намеревался в дальнейшем выяснить побольше об этом человеке, который появился совершенно неожиданно после суматошных звонков из Министерства обороны. Он закончил стрельбу с результатом выше девяноста процентов на всех дистанциях, и это когда стрельбище было закрыто на ночь и при плохой видимости. И почему он, исполняющий обязанности только на ежегодных июльских состязаниях, получил приказ присутствовать здесь? И почему ему было сказано, что "яблочко" у мишени для Бонда должно быть размером в шесть дюймов при стрельбе на расстояние 500 ярдов, а не, как сказано в правилах, пятнадцать дюймов? И для чего этот вздор с флажками об опасности и с сигнальными барабанами, которые используются только при официальных церемониях? Оказать давление на меня? Придать вид экстренной необходимости в этой стрельбе? Бонд. Командор Джеймс Бонд. Национальная "Стрелковая ассоциация" должна, безусловно, иметь информацию о человеке, который так стреляет. Не забыть бы позвонить им. Странное время для встреч в Лондоне. Вероятно, с девицей. На невыразительном лице командира стрельбища проступило раздражение. Это такой сорт парней, которые имеют всех девиц, которых они хотят.

Они проследовали через красивый фасадный вход Клуба позади стрельбища к машине Бонда.

- Хорошая работа, - отозвался командир стрельбища. - Никогда не видел такого кузова у этих машин. Сделано по заказу?

- Да, кузов спортивных машин всего лишь на два места. Очень мало остается

для багажа. Я попросил компанию сделать настоящую двухместную с просторным багажником. Боюсь, это для себялюбцев. Ну, до свидания. И еще раз большое спасибо, - резко прозвучал выхлоп, а из-под задних колес брызнул гравий.

Начальник стрельбища проводил глазами рубиновые огни, исчезнувшие на Кинг-авеню по дороге в Лондон. Он повернулся на каблуках и отправился искать капрала Мензиса, чтобы получить информацию, хотя это было бесполезным делом. Капрал оставался столь же безмолвным, как и большой ящик из красного дерева, который он грузил в это время в "Лендровер" цвета хаки без каких-либо военных опознавательных знаков. Командующий стрельбищем был майором и он пытался воспользоваться своим званием, но опять безуспешно. "Лендровер" умчался вслед за Бондом. Расстроенный майор отправился в офис Национальной ассоциации стрелков в попытке выяснить что-либо в библиотеке под фамилией "Бонд Дж."

У Джеймса Бонда свидание было не с девушкой. Это был авиамаршрут англо-европейской линии БЕА в Ганновер и Берлин. В то время как он отстегивал мили на пути к Лондонскому аэропорту, выжимая из своей тяжелой машины все силы, чтобы иметь побольше времени на стаканчик, на три стаканчика спиртного в аэропорту, его внимание лишь частично было обращено на дорогу. Остальное было приковано к раздумьям о предстоящих делах и о цепи событий, приведших к этому свиданию с самолетом. Но лишь временным свиданием. Окончательное randevu будет происходить в течение трех последующих вечеров в Берлине с реальным человеком. Ему предстоит увидеть его во что бы то ни стало и пристрелить.

Когда в то утро около двух тридцати Джеймс Бонд прошел через двойные звуконепроницаемые двери и сел напротив отвернувшегося от него силуэта человека, находящегося по другую сторону большего письменного стола, он почувствовал приближение беды. Не было никаких приветствий. М. втянул голову в опущенный воротничок и сидел в черчиллевской позе мрачного раздумья. В углах рта застыла горечь. Он повернулся лицом к Бонду. Оценивающе взглянул на него как будто, подумал Бонд, хотел определить в порядке ли его галстук и причесаны волосы. Затем начал разговор. Он говорил быстро, выбрасывая фразы, стремясь поскорее выговорить то, о чем говорил, и избавиться от Бонда как можно скорее.

- Номер 272. Он порядочный человек. Вы не встретитесь с ним. Причина проста - его держали на Новой Земле со времен войны. Сейчас он пытается выбраться - с кучей сведений. Атомных и ракетных. И их планов по целой серии новых испытаний. На 1961 год. Оказать нажим на Запад. Что-то связано с Берлином. Полной ясности нет, но МИД заявляет, что если это верно, готовится что-то ужасное. Женевская конференция становится глупой затеей, и вся эта болтовня по поводу ядерного разоружения коммунистическим блоком отменяется. Он уже добрался до Восточного Берлина. Но за ним охотится практически все КГБ. И, конечно, все восточногерманские службы безопасности. Он укрылся где-то в городе, но ему удалось передать нам одно послание - он будет переходить в один из дней между шестью и семью вечера в течение следующих трех суток. Это завтра, послезавтра и на следующий день. Он сообщил пункт пересечения. Беда в том, - горький изгиб рта у М. еще больше заломился, - что передавший это сообщение является двойным агентом. Станция прослушивания в Западном Берлине выловила это. Совершенно случайно. По счастью удалось расшифровать один из кодов КГБ. Этого курьера отзовут, конечно, и отдадут под суд. Но это ничему не поможет. Люди КГБ знают, что 272 будет делать перебежку. И они знают когда. И они знают где. Они знают столько же, сколько мы, но не больше. Теперь код, который мы раскрыли, был однодневной установкой для их машины. Но у нас был целый день для работы над их передачами и этого было достаточно. Они замыслили пристрелить его, когда он побежит. На этом перекрестке между Восточным и Западным Берлином, о котором он нам сообщил в записке. Они готовят настоящую операцию - операция "Экстаз", они ее

назвали. Их лучший снайпер втянут в это дело. Все, что нам известно о нем, что его кодовое имя "Курок".

Сотрудники станций в Западном Берлине полагают, что это тот же человек, которого они использовали и прежде для снайперской работы. Дальноточная команда по ту сторону границы. Он собирается держать под прицелом перекресток каждый вечер, и его задачей является достать 272. Конечно, они предпочли бы проделать работу наверняка с помощью пулемета или того, что есть у вас. Но в Берлине в настоящее время спокойно и, как нам известно, и в дальнейшем будет так же. Во всяком случае, - М. пожал плечами, - они уверены в том, кто будет осуществлять операцию "Курок". Вот так обстоят дела.

- Когда и как я вступаю, сэр? - Джеймс Бонд предугадал ответ, он понял почему М. не нравится все это дело. Это будет грязная работа, Бонд был для нее выбран, поскольку он принадлежал к секции 00. Бонд настоятельно хотел заставить М. высказать все с полной ясностью. Новость должна быть не из приятных, и работа предстояла грязная. Он не хотел услышать об этом от какого-либо офицера из своего сектора или даже от начальника штаба. Должно быть убийство. Очень хорошо. Но пусть М. со своей дьявольской откровенностью и скажет это.

- Когда и как вы вступаете, 007? - М. холодно смотрел через стол. - Вы знаете, когда и как. Вам придется убить этого снайпера. И должны убить его прежде, чем он убьет 272. Это все, вы поняли?

Ясные голубые глаза оставались холодными как лед. Но Бонд знал, что ему удастся сохранять этот вид усилием воли. М. не любил посылать людей на убийство. Но когда это нужно было сделать, он всегда принимал свирепый холодный вид командира. Бонд знал почему. Чтобы снять какую-то долю тяжести, чувства вины с плеч убийцы.

Так что Бонд, теперь уже вполне осведомленный, решил облегчить для М. обстановку и ускорить дело. Он встал.

- Ну, все ясно, сэр. Я полагаю. Начальник штаба имеет всю информацию. Я лучше пойду и потренируюсь. Промахиваться нельзя. - Он направился к двери.

- Сожалею, что пришлось это дело поручить вам. Подлая работа. Но ее надо сделать хорошо.

- Приложу все силы, сэр. - Джеймс Бонд вышел и закрыл за собой дверь. Работа ему не нравилась, но в целом, он предпочитал выполнить ее сам, нежели взять на себя ответственность приказывать кому-либо другому отправиться и выполнить ее.

Начальник штаба был лишь немного приветливее.

- Сожалею, что это выпало тебе, Джеймс, - сказал он. - Но Тэнкуэрей был определенного мнения, что не имеет кого-либо подходящего. В его резидентуре нет такого а это не то дело, которое можно поручить рядовому солдату. В армии много метких стрелков, но живая цель требует иных нервов. Во всяком случае, я побывал в Бисли и договорился о твоей тренировке сегодня вечером в восемь пятнадцать, когда стрельбище будет закрыто. Видимость будет примерно такая же, как в Берлине часом раньше. Оружейник приготовил ружье - настоящая вещь для прицельной стрельбы, и он высылает его с одним из своих людей. Вы отправитесь своим путем. Вам заказан билет на чартерный рейс до Берлина на самолет БЕА. Возьмите такси и отправляйтесь по этому адресу. - Он вручил Бонду листок бумаги. Поднимитесь на четвертый этаж и там вы найдете номер 2 с берлинской Станции, ожидающий вас. Боюсь, что затем вам придется просто высиживать в течение трех вечеров.

- А как с винтовкой? Я пронесу ее через германскую таможню в футляре для гольфовых клюшек или еще как-нибудь?

Начальник штаба не улыбнулся.

- Оно будет доставлено в почте Министерства иностранных дел. Вы получите его завтра к полудню. - Он потянулся к сигнальной кнопке. - Вам лучше бы заняться

стрельбой. А я сообщу в Берлин, что все готово.

Джеймс Бонд взглянул на матовый голубой циферблат часов на приборной доске. Десять пятнадцать. Если повезет, завтра к этому времени все будет кончено. В конце концов, на карте жизнь этого "Курка" против жизни 272. Это будет не совсем убийство. Хотя и около того. Он сердито проревел своим тройным клаксоном на безобидный семейный седан впереди, прокрутился без всякой нужды с визгом вокруг клумбы на перекрестке, вывернул резко руль, чтобы выровнять машину, и направил свой "Бентли" на дальние огни, где был Лондонский аэропорт.

Уродливое шестиэтажное здание на углу Кохштрассе и Вильгельмштрассе было единственным целым, оставшимся на разбомбленном большом пустыре. Бонд расплатился с такси и оглядел для краткого знакомства заросшее до пояса сорной травой пространство и полуразрушенные каменные стены, протянувшиеся к большому пустынному перекрестку, освещенному в центральной части созвездием желтоватых дуговых ламп, затем нажал сигнал у входа для четвертого этажа и услышал кликанье открывающегося запора. Дверь за ним закрылась сама, и он прошел по непокрытому цементному полу к старомодному лифту. Запах капусты, дыма дешевых сигар и тяжелого пота - все это напомнило ему о других жилых домах в Германии и в Центральной Европе. Даже покрякивание, слабое повизгивание медленно двигавшегося лифта напоминали ему о сотнях операций, когда М. выпускал его, как снаряд, в далекую цель, и там его ожидали дела, дела, которые ему предстояло выполнить. Во всяком случае на этот раз "приемная комиссия" была на его стороне. Ему нечего было опасаться на верху лестницы.

Номер 2 в английской резидентуре в Западном Берлине был худой собранный человек в своих ранних сорока. Он носил свою профессиональную форму хорошо сшитый и хорошо поношенный из легкой ткани твидовый пиджак в темно-зеленую елочку, мягкую белую шелковую рубашку и старый школьный галстук. При виде галстука и в ходе обмена обычными приветствиями в маленькой затхлой прихожей настроение Бонда, и без того плохое, понизилось еще на разряд. Ему был знаком этот тип: они составляли основу гражданской администрации; они заполняли школу в Винчестере, где их не любили, служили на вторых ролях в Оксфорде, во время войны выполняли штабную работу с боязливой щепетильностью, имели, возможно, Орден Британской империи, служили в Объединенной союзнической комиссии в Германии, где их вербовали в контрразведку, так как были идеальными штабными работниками. Затем, поскольку они считали, что у них будет голубая жизнь, интересная, романтическая, какой они никогда не имели, они переходили в Секретную службу. Бонду был нужен трезвый осторожный человек, чтобы помогать в его отвратном деле. Капитан Пол Сэндер, служивший в частях Уэллских стрелков, был именно таким избранником. У него было это все. Сейчас, праведный выпускник школы в Уикегеме, он скрывал свое отвращение к этой работе за осторожным банальным разговором в то время, как показывал Бонду расположение квартиры и говорил о приготовлениях, произведенных для выполнения Бондом его задания.

Квартира состояла из больших двух комнат, ванной и кухни с запасом консервов, молока, масла, яиц, чая, бекона, хлеба и бутылки виски "Димпл Хейг". Единственным и довольно несуразным предметом в комнате была одна из двух кроватей, углом придвинутая к занавесям, прикрывающим большое окно с тремя возвышавшимися под постельным бельем матрасами.

Капитан Сэндер сказал:

- Хотите посмотреть на огневое пространство? Тогда я смогу объяснить, что другая сторона имеет в активе.

Бонд чувствовал себя усталым. Он не очень хотел отправляться в кровать с этой картиной поля сражения в голове. Но он сказал:

- Было бы превосходно.

Капитан Сэндер выключил свет. Блики от уличных фонарей на перекрестке осветили занавеси.

- Не хотелось бы трогать шторы, - сказал капитан Сэндер.

- Непохоже, но они могут выискивать наше прикрытие для 272. Если вы просто ляжете на кровать и просунете голову под шторы, я кратко сообщу вам о том, что вы видите. Посмотрите налево.

Окно было подъемное, и нижняя его часть была открыта. Матрасы были сделаны так, что подались лишь немного и Бонд обнаружил, что находится, более или менее, в положении для стрельбы - таком же, как и на Центральном стрельбище. Но теперь он внимательно вглядывался через разбитую, густо заросшую сорной травой разбомбленную землю в сторону сверкающей потоком огней Циммерштрассе - границе с Восточным Берлином. Он находился примерно в ста пятидесяти ярдах. Голос капитана Сэндера над ним и за занавесями начал рассказ. Это напоминало Бонду сеанс спиритизма.

- Перед вами лежит разбомбленная земля. Множество укрытий, до границы сто пятьдесят ярдов. Затем граница - улица - а потом большое пространство еще более развороченной земли на вражеской стороне. Именно поэтому 272 выбрал этот маршрут. Это одно из немногих мест в городе, представляющих собой разбитый пустырь - густые заросли травы, разрушенные стены, подвалы - по обеим сторонам границы. Он прошмыгнет сквозь это нагромождение на той стороне и рванет поперек Циммерштрассе на такую же мешанину на нашей стороне. Беда в том, что ему придется преодолеть тридцать ярдов ярко освещенной границы как можно быстрее. Это и есть то место, где его могут убить. Верно?

Бонд ответил:

- Да.

Он произнес это тихо. Он уже чувствовал присутствие врага, чувствовал необходимость проявлять осторожность, и это уже действовало ему на нервы.

- С левой стороны большой десятиэтажный корпус является Домом правительства, главный мозговой центр Восточного Берлина. Вы можете видеть, что свет все еще горит в большинстве окон. Большинство будет гореть всю ночь. Эти парни много работают. Смена идет круглые сутки. Вам, по-видимому, нет нужды обращать внимание на светящиеся окна. Этот парень "Курок" почти наверняка будет стрелять из темного окна. Вы видите ряд четырех окон одно за другим на углу над перекрестком. Они были темными и вчера и сегодня. Там наилучшая позиция для стрельбы. Отсюда дальность составляет от трех сотен до трехсот десяти ярдов. У меня есть все цифры и другие данные, и когда пожелаете, я могу их предоставить. Вам не следует больше ни о чем беспокоиться. Эта улица бывает все время ночью пустой. Лишь моторизованный патруль появляется каждые полчаса - легкий броневик в сопровождении двух мотоциклистов.

Прошлым вечером, который, по моему мнению, можно считать типичным, между шестью и семью, когда все должно происходить, появилось несколько человек, вошли и вышли через ту боковую дверь. Похожи на гражданских служащих. До этого ничего чрезвычайного - обычный поток людей входящих и выходящих из загруженного делами правительственного здания - кроме, и это главное, целого проклятого женского оркестра. Поднимают дьявольский шум в некоторых концертных залах, где они выступают. Часть здания отведена под Министерство культуры. Помимо этого ничего подозрительного. Конечно, нет и следа присутствия людей КГБ, о которых нам известно, и никакого свидетельства о подготовке к работе, подобной той. Но этого и не будет. Это осторожные парни, наши противники. Во всяком случае, присмотритесь. Хорошенько. Не забудьте, что сейчас темнее, чем будет завтра. Около шести. Но общую картину вы можете уже получить.

Бонд получил "общую картину", и она владела его воображением много после

того, как его сосед заснул и захрапел с каким-то мягким постоянным присвистыванием.

Да, у него сложилась эта картина - чуть заметное движение среди темных руин на другой стороне сверкающего потока огней, затем все застыло, затем безумный зигзагообразный спринт человека в ярком свете дуговых ламп, треск выстрелов и либо съежившееся, распростертое посреди широкой улицы тело, либо шум от того, как он продирается вперед сквозь заросли и нагромождения камней в Западном секторе. Внезапная смерть или бегство к дому. Поистине трудное испытание! Сколько времени придется Бонду отслеживать русского снайпера в одном из этих темных окон? И надо убить его? И на все пять секунд? Десять? Когда заря озарила кромку штор металлическим Светом, Бонд капитулировал перед своим возбужденным мозгом. Тот выиграл.

Бонд прошел потихоньку в ванную комнату и осмотрел ряды бутылочек с лекарствами, которые Секретная служба заботливо предоставила в распоряжение палача, чтобы он пребывал в хорошей форме. Он выбрал туинал, две порции из красно-голубой мерки, запив их стаканом воды, и вернулся в кровать. Затем заснул как убитый.

Он проснулся в полдень. В квартире никого не было. Бонд отдернул шторы, чтобы впустить серый прусский день, и, встав подальше от окна, начал рассматривать тускло-серый Берлин. Он слышал шум трамвая и отдаленный скрежет железной дороги, делающей изгиб к станции зоопарка. Он быстро и невольно взглянул на то, что рассматривал вчера вечером.

Отгнав от себя мысли о вечере, он раздумывал, как провести время. В конце концов, остановился на двух вариантах - посещении респектабельного на вид коричневого дома на Клаузевицштрассе, известного всем консьержкам и шоферам такси, или поездке к Ванзее и энергичной прогулке в Грюнвальде. Добродетель восторжествовала. Бонд вышел на холодную улицу и взял такси до станции у Зоопарка.

Хорошенькие молодые деревца вокруг длинного озера уже были затронуты дыханием осени и среди зелени появились золотые краски. Бонд быстро шагал в течение двух часов вдоль засыпанных листьями дорожек, затем выбрал ресторан с застекленной верандой над озером и с большим наслаждением выпил крепкий чай, закусив двойной порцией селедки в сметане с луковыми колечками и запив двумя "Моле мит Корн" - берлинским эквивалентом "Котельщика и его помощника" (виски с пивом) и все это завершил сухим Ловенбрау. После этого, чувствуя себя взбодренным, он сел в вагон поезда и отправился обратно в город.

На улице около дома какой-то непонятный молодой человек копался в моторе черного "Опель-Капитана". Он не высунул даже головы из-под капота, когда Бонд прошел мимо него, подошел к двери и нажал звонок.

Капитан Сэндер заверил, что это был "друг" - капрал из транспортной секции Западноберлинской Станции. Он починил какую-то несвоевременную поломку в моторе у "Опеля". Каждый вечер с шести до семи он будет наготове, чтобы произвести серию многократных выхлопов, когда поступит по воки-токи сигнал от Сэндера начать пальбу. Это будет каким-то прикрытием для звуков выстрелов, когда Бонд вступит в дело. Иначе соседи могут поднять на ноги полицию и потребуются масса тяжких объяснений. Их прибежище находилось в американском секторе, и хотя американские "друзья" дали Западно-берлинской Станции "добро" на операцию, сами "друзья" были, естественно, озабочены, чтобы это была чистая работа без каких-либо последствий.

На Бонда произвела благоприятное впечатление эта задумка с машиной, так же как и весьма деловые приготовления, сделанные для него в жилой комнате. Там, позади спинки его высокой кровати, представляющей отличную огневую позицию,

вплотную к подоконнику был установлен специальный стенд и поперек него лежал "Винчестер", конец ствола которого упирался в занавеску. Деревянные и все металлические части ружья и снайперскопа были выкрашены в матовую черную краску. На кровати лежал черный мрачный вечерний наряд: черный бархатный капюшон, с пришитой доходящей до пояса рубахой из того же материала. У капюшона были большие прорезы для глаз и рта. Это напомнило Бонду старые картинки об испанской инквизиции или безликого палача на платформе гильотины во времена Французской революции. Такой же капюшон лежал на кровати капитана Сэндера и на его части подоконника лежал бинокль для ночного видения и микрофон от воки-токи.

Капитан Сэндер с лицом озабоченным и напряженным сказал, что со Станции не поступало никаких сообщений. Никаких изменений в ситуации, насколько им известно. Не хочет ли Бонд закусить? Или чашку чая? Может быть что-нибудь успокоительное? В ванной комнате имеются различные лекарства.

Бонд придал своему лицу веселое, расслабленное выражение и сказал "нет, благодарю". Он дал бодрый отчет о том, как провел часть дня, а в это время артерия в районе его солнечного сплетения начала мягко биться, поскольку его внутреннее напряжение возрастало как закручивающаяся часовая спираль. Наконец, его недлинный рассказ иссяк и он растянулся на своей кровати с немецким детективом, который он купил во время своих блужданий. А капитан Сэндер возбужденно прохаживался по комнате, поглядывая непрерывно на часы и непрерывно курил сигареты "Кент" с фильтром через данхилловский мундштук (он был аккуратным человеком).

Выбранный Джеймсом Бондом материал для чтения, на что его подтолкнула эффектная обложка с полуголой девицей, привязанной ремнями к кровати, оказался весьма удачным для подобного случая. Заголовок гласил: "Смерть, проклятие, измена". Заголовок свидетельствовал о том, что девица не только жестоко пострадала, подверглась надругательству и была предана, но что ей пришлось испытать свои страдания полной чашей. Джеймс Бонд временно забылся в страданиях своей героини, графини Лизелотты Мутценбахер, и он с раздражением воспринял слова капитана Сэндера, что уже пять тридцать и пора занять свою позицию.

Бонд снял пиджак и галстук, положил в рот два куса жвачки и натянул капюшон. Свет был выключен капитаном Сэндером. Бонд лег на кровать, приложил глаз к снайперскопу, осторожно приподнял край шторы и передвинул ее за спину.

Приближались сумерки, но в остальном сцена, год спустя ставшая известной благодаря фильму "Контрольный пункт Чарли", была как хорошо знакомая фотография - пустырь, перед ним яркие огни пограничной улицы, дальше опять пустырь и слева уродливый квадратный корпус Дома Министров с его освещенными и потухшими окнами. Бонд пристально и не спеша разглядывал все, передвигая снайперскоп с ружьем при помощи винтов точной наводки, установленного на ложе. Было все то же, кроме того, что теперь там появился поток служащих, входящих и выходящих через министерскую дверь на улицу Вильгельмштрассе. Бонд посмотрел на четыре темных окна. Они сегодня опять не были освещены. Он согласился с Сэндером, что там была огневая точка. Занавес был задернут, подъемы окна были широко приподняты снизу. Снайперскоп Бонда не мог проникнуть в комнаты, но не было заметно никакого движения в этих четырех продолговатых, черных зияющих пастьях.

На улице внизу движение стало интенсивнее. Женский ансамбль прошел по тротуару к входу - двадцать смеющихся, болтающих девушек со своими инструментами футлярами для скрипок и духовых инструментов, папками с нотами, а четверо с барабанами - как веселые, счастливые маленькие школьницы. Бонд размышлял о том, что кто-то там в советском секторе, по-видимому, еще способен

находить удовольствие от жизни, когда его линзы высветили и остановились на девушке с виолончелью. Челюсти Бонда, перемалывавшие жвачку, застыли и затем задвигались снова, в то время как он крутил винты снайперскопа, чтобы держать ее в центре.

Девушка была выше других, и ее длинные прямые светлые волосы, спадающие на плечи, сияли как расплавленное золото в свете дуговых ламп над перекрестком. Она шла быстро, восхитительной твердой походкой и несла футляр от виолончели с такой легкостью, будто это была скрипка. Казалось, все вместе с ней летело - юбка ее костюма, ее ноги, ее волосы. Она была полна радости от движения, от жизни и, казалось, была весела и счастлива, болтая с двумя подругами, сопровождавшими ее по обе стороны и заливавшимися смехом, в ответ на то, что она им говорила. Когда она повернулась у входа в толпе участниц ансамбля, лампы мгновенно высветили чудесный матовый профиль. А затем она ушла, и Бонду показалось, что с ее исчезновением печаль воцарилась в его сердце. Как странно! Очень странно! Такого с ним не бывало со времен его молодости. И теперь эта единственная девушка, увиденная неясно и на большом расстоянии, заставила его испытать острый приступ тоски, это чувство животного магнетизма. Угрюмо Бонд взглянул на светящийся циферблат своих часов. Пять пятьдесят. Осталось всего лишь десять минут. К подъезду никто не подъезжал. Ни один из этих анонимных черных лимузинов, которых он ожидал здесь увидеть. Он перестал думать о девушке, направив свои мысли на другое. Очнись, черт тебя поberi! Возвращайся к своей работе.

Где-то внутри Министерства прозвучали знакомые звуки настраиваемых инструментов - струны подлаживались к одной ноте, звучащей на фортепьяно, слышалось резкое гудение деревянных флейт и кларнетов. Затем последовала пауза, а потом послышался общий всплеск мелодии, исполняемой слаженным оркестром, которая Бонду была едва знакома.

- Половецкие пляски из "Князя Игоря", - прокомментировал капитан Сэндер кратко. - Во всяком случае, уже шесть часов подходит, - и затем быстро: Эй! С правой стороны внизу четырех окон! Смотрите внимательно!

Бонд мгновенно настроил снайперскоп. Да, что-то двигалось в недрах темного окна. Затем изнутри появился плотный черный предмет. Оружие. Он двигался уверенно ровно, поворачиваясь вниз и в стороны, как бы накрывая все пространство Циммерштрассе между двумя каменистыми пустырями. Невидимый, находящийся в комнате стрелок остался, судя по всему, доволен. Оружие перестало двигаться, закрепленное, по-видимому, на стенде, который был и у Бонда под ружьем.

- Что это такое? Какой вид оружия? - голос капитана Сэндера стал еще более глухим, чем обычно: "Расслабься, черт поberi, - подумал Бонд. Это я, тот, у кого должны, по идее, быть крепкие нервы." Он напряг зрение и заметил короткий пламегаситель на срезе ствола, телескопический прицел и плотный отросток магазина под ложем. Да, это должно быть то самое. Абсолютно точно! И это лучшее, что у них есть!

- "Калашников", - произнес он кратко. - Ручной пулемет. С газовой перезарядкой. В обойме тридцать патронов калибра 7,62 миллиметров. Любимое оружие КГБ. Они готовятся довести работу до конца. А нам нужно добраться до него как можно скорее, иначе 272 закончит дни не просто мертвым, а изрешеченным до состояния клубничного джема. Вы наблюдайте за любым шевелением там в руинах. А я буду прикован к тому окну и его оружию. Он должен высунуться, чтобы вести огонь. Другие парни, вероятно, высматривают за его спиной, а возможно, и из всех четырех окон. Многие из того, что у них есть, мы ожидали увидеть, но я не думал, что они используют такое шумное оружие, как это. А следовало бы знать. Бегущего человека будет трудно зацепить с одного выстрела при этом свете.

Бонд покрутил немного кончиками пальцев винты для поперечной установки и

подъемный и навел четко свой снайпероскоп на цель на то место, где приклад вражеского ружья уже был невидим в темноте. Навел на грудь - о голове нет смысла беспокоиться!

В капюшоне голова Бонда стала покрываться потом. И от него стал влажным резиновый глазок прицепа. Но это ерунда. Сейчас главное, чтобы его руки, его палец на курке оставались абсолютно сухим. И пока шло время он часто моргал глазами, давая им отдохнуть, двигал руками, чтобы они не затекли и слушал музыку, чтобы расслабить свой мозг.

Минуты тащились на свинцовых ногах. Сколько ей может быть лет? Около двадцати - скажем, двадцать три. С такой осанкой и независимым видом, налетом самоуверенности, проскальзывающей даже в ее легкой, но твердой походке, она, вероятно, происходила из хорошего породистого семейства возможно, принадлежала к одному из старых прусских родов или подобных же отпрысков в Польше или даже в России. Какого черта, она выбрала виолончель? Было что-то даже неприличное в том, что этот неуклюжий инструмент занимал место между ее расставленными ляжками. Конечно Суггия ухитрялась выглядеть элегантно, так же как и та девушка Амарилис. Но для женщин нужно изобрести какой-то другой способ играть на этой дурацкой штуке - сидя как-нибудь сбоку.

Находящийся около него капитан Сэндер сказал:

- Семь часов. Ничто не происходит на той стороне. Некоторое движение на нашей около погреба неподалеку от границы. Это участники нашего комитета по приему. Два добрых молодца из резидентуры. Но лучше подождем, когда они отчалят. Дайте мне знать, когда они заберут оружие.

- Хорошо.

Было семь тридцать, когда ручной пулемет КГБ осторожно был втащен обратно в темное помещение. Одно за другим нижние рамы четырех окон были закрыты. Охота на сегодняшний вечер закончилась. 272 все еще находился в неизвестном укрытии. Осталось еще две ночи.

Бонд осторожно перетянул занавес через плечи и через ствол своего "Винчестера". Он встал, стащил свою ряску с капюшоном, прошел в ванную комнату, разделся и принял душ. Затем выпил две больших порции виски со льдом одну за другой и пока он ждал, его уши ловили приглушенные звуки оркестра с тем, чтобы не пропустить момент, когда они смолкнут. Это произошло в восемь часов (последовал квалифицированный комментарий Сэндера, что это был хоральный танец N_17 из оперы "Князь Игорь" Бородина). Бонд сказал Сэндеру, который выкладывал каким-то неестественным языком донесение начальнику Станции:

- Пойду еще раз взгляну. Что-то меня притягивает к этой высокой блондинке с виолончелью.

- Я ее не заметил, - ответил Сэндер с полным безразличием и пошел на кухню выпить чаю или еще чего-нибудь.

Бонд одел свой капюшон и вернулся на свою огневую точку. Он направил снайпероскоп на двери Министерства. Да, вот они выходят, не такие веселые и смеющиеся сейчас. Возможно устали. А вот и она, не очень оживленная, но с той же чудесной независимой походкой. Бонд смотрел на пышные золотые волосы, на желто-коричневый плащ, пока она не скрылась в чернильных сумерках на Вильгельмштрассе. Где она жила? В какой-нибудь убогой развалюхе в пригороде? Или в одном из привилегированных апартаментов на Сталин-аллее в отвратительном доме с отделанным кафелем туалетом?

Бонд подался назад. Где-то недалеко отсюда жила эта девушка. Была она замужем? Был ли у нее любовник? В любом случае, ну ее к черту! Она не для него.

Следующий день и следующая вечерняя вахта была повторением первой с небольшими отклонениями. Джеймс Бонд имел два кратких новых randevu с

помощью снайпер-скопа с этой девушкой, а в остальном он убивал время. Напряженность росла, и к тому времени, когда наступил третий, последний день, все казалось как в тумане в этой маленькой комнате.

Джеймс Бонд составил для третьего дня сумасшедшую программу - музеи, картинные галереи, зоопарк, кино, но он едва ли замечал то, на что смотрел. Его мысли раздвоились между девушкой и теми четырьмя черными квадратами и черным стволом и незнакомым человеком сзади - человеком, которого, он был теперь уверен в этом, он собирается вечером убить.

Придя обратно в квартиру ровно в пять. Бонд с трудом уклонился от ссоры с капитаном Сэндером, потому что он налил себе порцию крепкого виски, прежде чем натянуть этот отвратительный капюшон, который сейчас вонял его потом. Капитан Сэндер пытался остановить его, а когда ему это не удалось, он пригрозил позвонить Резиденту и подать рапорт на Бонда за то, что он нарушает правила тренировки.

- Послушайте, мой друг, - сказал Бонд устало, - мне предстоит совершить убийство сегодня вечером. Не вам, а мне. Так что будьте добрым парнем и заткнитесь. Договорились? Вы можете сообщить в Танкверей, что хотите, когда все будет сделано. Думаете, мне нравится эта работа? Иметь номер 00 и все такое? Я буду весьма благодарен вам и счастлив, если вы добьетесь, чтобы меня выгнали из этой секции 00. Тогда я мог бы осесть где-нибудь и свить себе уютное гнездышко из бумаг, как рядовой сотрудник Штаба. Верно? - Бонд выпил виски, потянулся за детективом и, чувствуя наступающее сильное возбуждение, бросился на кровать.

Капитан Сэндер был молчалив и холоден как лед. Он прошел на кухню и, как было слышно по шуму, стал готовить свою неизменную "чашку чая".

Бонд ощущал, как виски постепенно рассасывали сплетение нервов где-то в районе живота. Ну, а теперь, Лизелотта, как, черт возьми, ты собираешься выпутаться из этого дела?

Было точно шесть часов пять минут, когда Сэндер, находясь на своем посту, возбужденно заговорил:

- Бонд, там что-то двигается, там, немного сзади. Сейчас он остановился - подожди. Нет, он опять задвигался, но не спеша. Там большая глыба разбитой стены. Он будет невидим с той стороны. Но перед ним густые заросли. Иисус Христос! Он продирается сквозь эти заросли. И они заколебались. Молю Бога, чтобы они там решили, что это только ветер. Он прошел заросли и вышел на пустырь. Есть реакция?

- Нет, - ответил Бонд. - Продолжайте мне рассказывать. Сколько до границы?

- Ему осталось преодолеть пятьдесят ярдов. - Голос капитана Сэндера дрожал от возбуждения. - Разбитая местность, но кое-где ровно. Затем здоровый кусок стены прямо над тротуаром. Ему надо перебраться через него. Они не могут не увидеть его в это время. Ну, вот теперь! Теперь он продвинулся на десять ярдов, еще на десять ярдов. Вижу его отчетливо. Замазаны темным лицо и руки. Готовься! В любой момент он теперь сделает последний рывок.

Джеймс Бонд чувствовал, как пот струится по его лицу и по шее. Он воспользовался случаем и быстро вытер руки о свои бока и снова быстро положил их на ружье, сунув указательный палец в дужку предохранителя около изогнутого курка.

- Что-то двигается в комнате позади оружия. Они выследили его. Включайте "Опель".

Бонд услышал слова кода, сказанные в микрофон, слышал, как "Опель" внизу на улице заработают. Он почувствовал, как пульс его забился быстрее, когда мотор заурчал и серия раздражающих ухо резких хлопков вылетела из выхлопной трубы.

Движение в черном проеме окна стало более отчетливым. Черная рука в черной перчатке высунулась наружу и затем скрылась под ружьем.

- Ну, вот теперь! - воскликнул капитан Сэндер. - Теперь! Он побежал к стене! Он

на ней! Собирается прыгать!

И тогда в снайперскопе Бонд увидел тот "Курок" - чистый четкий профиль, золотую шапку волос - все это возле приготовленного "Калашникова"! Она ведь уже на том свете, эта подсадная утка! Пальцы Бонда мгновенно оказались на установочных винтах, осторожно передвинули их в нужное ему положение и, когда золотая копна затрепетала где-то у ствола ручного пулемета, нажал на спусковой крючок.

Пуля, смертоносная на расстоянии трехсот тридцати ярдов, должно быть ударила там, где кончается приклад и начинается ствол, она могла поразить ее в левую руку, но эффект был таков, что оружие оказалось сорванным с подставки, оно ударилось об угол оконной рамы и выскочило из окна. Несколько раз перевернулось в воздухе и рухнуло посреди улицы.

- Он перелез! - закричал капитан Сэндер. - Он перебрался! Он это сделал! Боже мой, он сделал это!

- Слезайте вниз! - сказал Бонд отрывисто и бросился в сторону с кровати, в то время как большой глаз прожектора засветил в одном из окон, рыская по улице в направлении их здания и их комнаты. Затем прогремели выстрелы, и пули влетели в их окно, срывая занавеси, разбивая в щепки мебель, вонзаясь в стены.

За этим шумом и визгом пуль Бонд расслышал, как "Опель" рванул вниз по улице и опять фрагментарно зазвучали слабые звуки оркестра. Комбинация двух шумовых заслонов отличалась слаженностью. Ну, конечно! Оркестр, по-видимому, поднимал неистовый грохот по всему министерскому зданию и использовался как и выхлопы "Опеля" на этой стороне, чтобы заглушить звуки выстрелов, произведенных на их стороне "Курком". Неужели она таскала оружие каждый день в своем футляре для инструмента? Неужели весь оркестр был скомпонован из сотрудниц КГБ? Неужели и в других футлярах содержалось только оборудование? В больших барабанных футлярах, вероятно, прожекторы. А настоящие инструменты ожидали их в концертном зале. Слишком сложно? Прямо фантастика какая-то? Вероятно. Но по поводу девушки не может быть никакого сомнения.

В свой снайперскоп Бонд был в состоянии рассмотреть широко открытый с густыми ресницами прицеливающийся глаз. Он ранил ее? Почти наверняка в левую руку. Шанса увидеть ее, посмотреть, что с ней, никакого нет, если она ушла с оркестром. Теперь он ее никогда не увидит. Их окно будет смертельной ловушкой. На этом поставила точку и шальная пуля, сплющившая механизм "Винчестера", уже опрокинутого и сломанного, и горячий свинец, брызнувший Бонду на руку, опалив кожу. После крепкого словца Бонда огонь внезапно прекратился, и тишина зазвенела в комнате.

Капитан Сэндер появился сбоку от своей кровати, вытряхивая осколки стекла из волос. Они разлетались по полу и через расщепленную дверь в кухню. Здесь, поскольку кухня выходила на другую сторону, было безопасно и можно было включить свет.

- Понесли потери? - спросил Бонд.

- Нет. У вас все в порядке? - Тусклые глаза капитана Сэндера светились тем лихорадочным огнем, который приходит во время боя. В них так же, как заметил Бонд, сверкали и колкие искорки осуждения.

- Да, достаньте мне эластопласт для руки. Брызги от пули.

Бонд прошел в ванную. Когда он вернулся, капитан Сэндер сидел с "воки-токи" в руках, взятой им из гостиной. Он говорил в микрофон:

- Ну, пока все. Отлично прошло с 272. Поспешите с бронированной машиной, если можете. Буду рад выбраться отсюда поскорее. А 007 придется написать свою версию того, что случилось. О'кэй? Теперь связь кончаю.

Капитан Сэндер повернулся к Бонду. Полуосуждающим голосом и, как бы

извиняясь, он сказал:

- Боюсь, шеф резидентуры потребует письменных объяснений за то, что упустили этого парня. Я должен доложить ему, что я видел как вы изменили прицел в последний момент. Дали время "Курку" уклониться от пули. Для 272 было большой удачей, что он как раз начал свой последний рывок. От стены уже позади него отлетело несколько кусков. Почему все это?

Бонд знал, что может соврать, что может придумать дюжину разных причин, почему. Вместо этого он сделал большой глоток крепкого виски, что налил себе, поставил стакан и посмотрел капитану Сэндеру прямо в глаза.

- "Курок" - была женщина.

- Ну и что. У КГБ есть много женщин-агентов - женщин-стрелков. Меня это нисколько не удивляет. Русские женские команды всегда хорошо выступают на Всемирных чемпионатах. На прошлой встрече в Москве они были первыми, вторыми и третьими среди семи стран. Я запомнил даже два имени - Донская и Ломова, отличная стрельба. Это могла быть одна из них. Как она выглядела? Рекорды, по-видимому, помогут нам это выяснить.

- Она блондинка. Это она несла футляр виолончели в этом оркестре. Возможно в футляре было ружье. Оркестр же был, чтобы заглушить стрельбу.

- О... - произнес медленно капитан Сэндер. - Я понимаю. Девушка, которая вам понравилась?

- Правильно.

- Прошу прощения, но я должен это тоже внести в свой рапорт. У вас был четкий приказ уничтожить "Курок".

Послышался шум приближающегося автомобиля. Он остановился где-то внизу. Дважды прозвенел звонок. Сэндер сказал:

- Ну, давайте трогаться. Они прислали бронированную машину, чтобы вывезти нас отсюда. - Он замолчал. Его глаза бежали по плечу Бонда, избегая, его глаз.

- Прошу прощения за рапорт. Обязан выполнить свой долг, вы знаете. Вы должны были убить этого снайпера, кто бы он ни был.

Бонд встал. Внезапно ему не захотелось уходить из вонючей маленькой разгромленной квартиры, оставить место, откуда он в течение трех дней имел этот дистанционный и односторонний роман с незнакомой девушкой незнакомым вражеским агентом, выполнявшим в значительной степени такую же в своем существе работу, что и он. Бедная маленькая стерва! Она окажется теперь в большей беде, чем он! Она, безусловно, попадет под суд трибунала за неисполненную эту работу. Может быть, ее выставят из КГБ. Он пожал плечами. По крайней мере, они не пойдут на то, чтобы разделаться с ней. Прикончить ее - как и он это не сделал.

Джеймс Бонд произнес с безразличием в голосе:

- О'кэй. На худой случай это будет стоить мне моего номера 00. Но шеф резидентуры может не беспокоиться. Эта девушка никогда больше не будет снайпером. Вероятно, потеряет свою левую руку. И, конечно, ее нервы не выдержат больше такой работы. Свет жизни в ее душе погас. По моим понятиям этого достаточно. Теперь пошли.